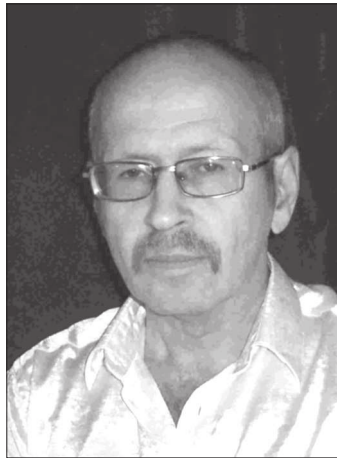

Юрий РУДИС

Родился в 1958 г. на Украине в семье военного. Детство и юность провёл во Владивостоке. Учился в ДВГУ на математическом факультете. Работал на Дальзаводе судокорпусником, потом семья переехала в Тбилиси, где прожили десять лет. Работал на стройках. С начала 1990-х живёт в Ярославле. Создатель и главный редактор литературного интернет-издания «Вечерний Гондольер». Печататься начал в Приморье, публиковался в тбилисских периодических изданиях, а также в журнале «Знамя» (Москва), газете «Очарованный странник» (Ярославль). Автор сборника стихов «Седьмая вода» (С.-Петербург, 2005).

«Рождённые под знаком ГОСТа»

* * *

Рождённые под знаком ГОСТа,
краса и гордость мостовой,
спеклися девы девяностых,
образовав культурный слой.
Как все пропавшие без вести,
добыча снега и дождя,
распяты на ровном месте
и без единого гвоздя,
в одной земле, в одном забвенье
равны, как песни и стишки.
Уже не каждого растенья
до них доходят корешки.

Они ушли в края иные
так много лет назад тому,
их грамоты берестяные
почти не внятны никому.
Лишь сумрачный германский гений
поникнет буйной головой,
следы славянских поселений
найдя вечернею порой.

* * *

Открывай рояль,
становись в кружок.
Ты умри, а я
напишу стишок.
Было бы по ком,
не печалься, джан.
Мне вельми знаком
некролога жанр.
У меня их есть,
ай, хорош, хорош.
Про бумаги десть
и казённый кошт.
Ты его не брал,
молодец какой!
Ты его плевал
молодой слюной.
Чем тяжельше гнёт,
тем душа легчай,
проломился лёд
об твоих плечей.
И поверх земли,
ты увидел сам,
мы пойдём, пошли
по твоим костям.
Вот и всё тебе
от моей души.
Умирай теперь.
Хорошо. Якши.

* * *

А те, что вызвались проводниками,
картографы славные, поводыри,
со стёртыми о паркет кулаками,
закрывают с грохотом буквари.

Съев каши тонну и соли пуд,
изучив досконально пути подхода,
говорят они:
— Такова природа,
пройти невозможно.
Однако врут.

* * *

И каждому скоту спасибо за науку,
что денег накопить, что нечего терять.
О, прапорщик, зачем вы пишете в гестбуку?
Не надо этих слов так часто повторять.
Из вашего поста пропала запятая,
сейчас вас мордой ткнут, вам будет нечем крыть.
На выгоревший плац слетает пыль золотая,
младая жизнь кипит и надо меньше пить.
Сменился караул у гробового входа,
служебный пёс уснул в казённом закутке.
Экран ещё горит. И с призраком народа
свобода говорит на птичьем языке.
А вам оно зачем, чужую тешить скуку?
Ещё одно на всех есть время до утра,
уснуть, как этот пёс, но только сон не в руку —
синица в кулаке и суп из топора.
Придёт и ваш черёд домой идти с гулянки
и, встретив тень свою в рассветной полумгле,
сыграть себе на слух «Прощание славянки»
на табельном, сто лет не чищенном стволе.

* * *

В простоте, в её воздухе скудном,
в муравьином пространстве секундном
человеку не надо мешать
тише ехать и реже дышать.
Потому никому не подмога,
ни царя, ни героя, ни Бога
в двух примерно шагах или трёх,
тех, что он для себя приберёт.

* * *

Не дружить домами,
не ходить на «вы».
Лучше бы за нами
не было Москвы.

Разве это горе?
Всё равно, дружок,
лучше б было море,
заливной лужок.

* * *

Какие штыки и сабли,
родимая, не пыли.
Раб, выдавленный по капле,
не сразу встаёт с земли.
Он в вашем раю проездом,
от ваших щедрот прилёт,
покуда над дульным срезом
качается василёк.

* * *

Внутренний Сальери встаёт спозаранку,
поднимает веки, опускает взгляд,
он оставил Австрию на шарманку,
но желал бы теперь получить назад
небо её от можа до можа,
вороны, ласточки, облака.
И землю австрийскую тоже, тоже,
хотя бы на глубину штыка.

* * *

Далеко от немца
до американца,
от невозвращенца
до невыезжанца.

* * *

Я эту игру отыграл давно.
Зачем мне оно теперь —
умение правильно влезть в окно,
и выбить ногою дверь,
и око за око, и плотью плоть,
клин клином, глаза в глаза?
Но нынче, наверное, сам Господь
идёт под меня с туза.
Ему не спится уж много лет.

Играем. Мне всё одно,
кому придётся встречать рассвет,
уткнувшись лицом в сукно.
Я знать не хочу —
под какой луной
и из чьего ребра.
Но эта женщина будет со мной,
покуда идет игра,
по справедливости, под заклад
грешной моей души.
И сам я нынче как будто рад,
что карты не хороши,
что все они холодны, как лед,
и лишь одна горяча...
Когда я сделаю первый ход,
коснись моего плеча.

* * *

Тихая, тихая нас обступает вода,
белые лотосы, сонные nereиды.
Только чуть слышно потрескивает слюда
солнечных пятен над крышами Атлантиды.
Наш пароход железный, само собой,
всё ещё на плаву, само собою.
Сколько ещё он продержится за чертой,
это уже не зависит от нас с тобою.
Перекури, не надо кричать — земля.
Донного ила вёрсты да снег скрипучий.
Это железо не слушается руля,
мы проиграли борьбу за его живучесть.

* * *

Опять в любом полуподвале
играет в шахматы народ,
слон ходит по диагонали,
а пешка задом наперёд.
Её не сразу разменяют,
не сразу ей придёт капут,
но вот уж пальцы разминают
и на груди рубаху рвут.
А пешке бедной жить охота,
она, как пьяная, орёт,
когда рукой железной кто-то
её за голову берёт.

Земли не чуя под собою,
черным-черна, белым-бела
душа её над полем боя
летит в чём мама родила.
Погромче, пташечка, пиликай,
тебе других сводить с ума,
прости-прощай, Ростов Великий,
прощайте, церкви и дома.
Прощай, народ мой деревянный,
прощайте, мама и отец.
И пусть гроссмейстер окаянный
за всё ответит наконец.
Пусть он ответит бога ради,
почто завёл нас не туды,
откроет страшные тетради,
где все записаны ходы.

* * *

Весь из дождя и снега
долог обратный путь,
альфа моя, омега,
как-нибудь, как-нибудь.
Медленно, шаг за шагом,
взглядом цепляясь за
яблони над оврагом,
словно за образа...